
Л. МЕЙ
Тройка
Д

Москва
„Детская
литература"
1980

Школьная библиотека

Р1
М45

$М\frac{70802-505}{М101(03)80}213-80$

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЙ

В холодный и мокрый осенний день у спуска к петербургской речке Лиговке произошло маленькое, но примечательное событие. Бородатый мужик в дворничьем фартуке подошёл к воде и не спеша развязал зажатый под мышкой мешок. Оттуда показалась курносая мордочка вислоухого щенка. Дворник достал из-за пазухи короткую верёвку, свернул её петлей и накинул на шею собачонке. Он постоял в задумчивости, потом нагнулся и протянул руку к тяжёлому, влажно блестевшему булыжнику, но тут кто-то цепко схватил его за локоть. Дворник оглянулся и увидел невысокого человека средних лет, в лёгком домашнем пальто, без шапки. Незнакомец запыхался, его длинные чёрные кудри рассыпались по плечам, щёки горели. Не говоря ни слова, он сунул в карман дворничьего фартука скомканную денежную бумажку, выхватил из мешка щенка и был таков... Бородач оторопело глядел вслед чудно́му барину.

Человеком, спасшим щенка, был поэт Лев Александрович Мей. Из окна квартиры он увидел зловещие приготовления дворника и так стремительно выбежал на улицу, что его домашние не успели опомниться. Они не удивились, когда Мей

вернулся в свою дешёвую, скромно меблированную квартиру с маленькой дворняжкой в руках. Сколько раз он подбирал и выхаживал бездомных животных, которым грозила гибель!

Спасённый щенок таращил глаза и вздрагивал: над его головой то и дело вспархивали птицы. В комнате стояло несколько ёлок, на ветках висели открытые клетки — их обитатели пользовались свободой...

Мея недаром называли «добрейшим из добрейших». Он никогда не отказывал в помощи человеку, попавшему в беду. С готовностью шёл хлопотать за начинающего писателя. Отдавал последние деньги журналисту-неудачнику, у которого заболели дети. А самому в это время было не на что купить дров — от лютого холода дома в кормушках у птиц замерзала вода...

Но Мей не умел жить иначе. Уже в детстве он понял, что значит сострадание. Когда ему было лет шесть, у него умер отец, и семья осталась без средств к существованию. Но родственники не бросили в беде беспомощную вдову и её детей, дружно пришли им на выручку.

Мей родился в 1822 году. Воспитывался у бабушки, в маленьком домике, который она нанимала в Хамовниках — старом районе Москвы. Мальчика окружали женщины — мать, тётушки, нянька Перфильевна. Неудивительно, что одно из первых детских его стихотворений называлось «Брань тётки».

Мей рос шалуном, но никакие игры и развлечения не могли сравняться с любовью к чтению. Даже в гостях он отыскивал книжку и, пока другие дети танцевали, забивался с ней в угол. Он зачитывался приключениями, представлял себя «отверженным узником, странствующим по подземельям». Ночью удирал из дома в сад и искал там опасностей. Ночные страхи преследовали его, но он мужественно проходил весь сад вдоль и поперёк.

Учился Мей с удовольствием, мечтал о малиновом воротнике (такие воротники носили гимназисты и студенты). Желание это исполнилось быстро — девяти лет он поступил в Московский дворянский институт. А оттуда в 1836 году, как лучший ученик, был переведён на казённый счёт в Царскосельский лицей, в котором двадцать лет назад учился Пушкин.

В лицее под Петербургом, среди природы, послушной рукам человека, Мей почувствовал себя принцем: кружили голову душистые цветники, просторные лужайки, пышные сады, пруды, в которых плавали чёрные лебеди. Но вскоре из ска-

зочного принца Мей превратился в настоящего поэта: он много сочинял, начал печататься.

Тогда же он пережил ещё одно важное превращение — усилием воли приучил себя к гимнастике и из слабого, болезненного подростка стал сильным, красивым юношей.

В 1841 году Мей расстался с Царским Селом и отправился в Москву, на государственную службу. После знакомства с Петербургом старые московские районы показались ему ветхими, словно вросшими в землю. Каждый день он ходил пешком на Тверскую улицу в канцелярию генерал-губернатора, куда поступил чиновником. Но подлинные его интересы были далеки от чиновничьей службы. Он прекрасно знал несколько современных европейских языков, овладел латинским, древнегреческим, древнееврейским языками. Занялся изучением древних писателей и русских летописей, прослыл образованнейшим человеком. К нему обращались за историческими справками, словно к ходячему «адрес-календарю». Мей вошел в кружок московских писателей — поклонников народной песни. На собрании кружка захаживали певцы, гитаристы, знатоки фольклора. Стихи Мея наполнились подражаниями народной поэзии, сюжетами из восточной и русской истории.

В начале 1850-х годов Мей вступил в должность инспектора одной из московских гимназий. Он с жаром принялся за свои обязанности: не позволял затирать даровитых, но бедных мальчиков и делать поблажки богатым, требовал ласкового обращения с воспитанниками. Дети платили новому инспектору горячей привязанностью. Но начальству его доброта не понравилась. Пришлось проститься с должностью.

В 1853 году Мей приехал по делам в Петербург да так и остался в нём навсегда. Он вёл жизнь бедняка и все надежды возлагал на собственные силы. Когда нанятая на последние гроши пролётка проносила его по городу, перед взором открывались заманчивые картинки. Разбегались по сторонам свинцовые ленты каналов и малых рек. Словно игрушечные, висели над ними арки горбатых мостиков. Сквозь чугунное кружево решёток нежно светилась белизна парковых скульптур, проступали розовые, голубые, бирюзовые пятна особняков. В карауле застыли над Невой стройные ряды дворцовых колонн. Всё вызывало восторг, сулило удачу и благополучие.

Но Петербург оказался обманчив, как обманчива мечта о славе. Спасала от голодной смерти только мелкая журнальная работа. Стихи ценились мало — в моде была проза.

Мей не унывал. Несмотря на пустой кошелёк, он созывал

по вечерам друзей и на занятые деньги накупал булок, чаю и сахару. К бескорыстию и гостеприимству он тоже привык с детства. Любил шумные встречи, душою которых бывал сам: играл в шашки, в шахматы, в кегли, читал стихи, сочинял на ходу шутки, рассказывал страшные истории, стрелял в цель, дрался на рапирах... Ночью обеденный стол превращался в рабочий стол поэта, историка, переводчика. Мей умел веселиться, но прежде всего он умел работать.

В конце концов дела Мея стали налаживаться, но многолетние лишения сказались на его здоровье. Он тяжело заболел и в 1862 году умер.

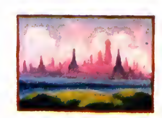
Наследие Мея разнообразно. Театру он оставил две исторические драмы — «Царская невеста» и «Псковитянка». Они вдохновили композитора Римского-Корсакова, создавшего на их сюжеты оперы. Мей переложил стихами «Слово о полку Игореве» — замечательный памятник древнерусской литературы. Перевёл множество стихов с английского, немецкого, французского, польского языков. Написал рассказы и очерки. Но во всех своих трудах он оставался поэтом. Об этом говорит его замечательная лирика, часть которой перешла в русскую музыку, превратилась в романсы и песни.

В этом сборнике мы вместе с вами прочитаем стихи и небольшие отрывки из произведений Льва Александровича Мея.

Н. Сухова

ОТЧИЙ КРАЙ

Уже в лицейские годы Мей увлекался русской стариной, её преданиями, задумывался над мудрыми и добрыми героями народных сказок. Величественные, наделённые волшебной силой образы обретали новую жизнь в его стихах. Далёкая, желанная Москва однажды предстала воображению юного поэта в виде праздничного разодетого великана.

МОСКВА

Там, за синей цепью гор,
За широкими полями,
Где усталый видит взор
Только землю с небесами,
Там спит город-великан,
На холмы облокотившись,
К долам низменным склонившись,
Завернувшийся в туман;
Весь из куполов, блистает
На главе венец златой;
Ветер с поясом играет,
С синим поясом-рекой.
То величья дочь святая,
То России голова,
Наша матушка родная,
Златоглавая Москва!
Ожила небес равнина,
Вот помчалася заря,
В колеснице из рубина,
Серебра и янтаря;
Пробралась, среди тумана,
К граду огненной тропой
И коснулась великана
Бледно-розовой рукой...

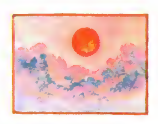

Мей очень любил животных и птиц. Они чувствовали себя уютно в его доме. В поэзии Мея им тоже нашлось место. Вот стихотворение, обращённое к малиновке. Как непринуждённо и ласково поэт говорит о ней! Словно понимает птичий язык и ждёт ответа...

МАЛИНОВКЕ

Посвящается
Варваре Александровне Мей

Да! Ты клетки ненавидишь,
Ты с тоской глядишь в окно;
Воли просишь... только, видишь,
Право, рано: холодно́!
Пережди снега и вьюгу:
Вот олиствятся леса,
Вот рассыплется по лугу
Влажным бисером роса,
Клетку я тогда открою
Ранним-рано поутру —
И порхай, господь с тобою.
В крупноягодном бору.
Птичке весело на поле
И в лесу, да веселей
Жить на *воле,* петь на *воле*
С красных зорек до ночей...
Не тужи: весною веет;
Пахнет в воздухе гнездом;
Алый гребень так и рдеет
Над крикливым петухом;
Уж летят твои сестрицы
К нам из-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Тёплой ночи и гнезда.

Ещё один разговор с птицей. Но как он отличается от предыдущего! Он ворчливый и оттого немного смешной.

СПАТЬ ПОРА!

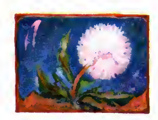
С полуночи до утра,
С полуночным сном в разладе,
Слышу я в соседнем саде:
«Спать пора! Спать пора!»

С полуночи до утра
Это перепел крикливый
В барабан бьёт на мотивы:
«Спать пора! Спать пора!»

«Нет! — я думаю. — Ура!
Время нам пришло проспаться,
А не то что окликаться:
«Спать пора! Спать пора!»

Нет, ты, пташечка-сестра,
Барабань себе, пожалуй,
Да словами-то не балуй:
«Спать пора! Спать пора!»

Глянь из клеточки с утра
Ты на божий мир в оконце
И не пой, коль встало солнце:
«Спать пора! Спать пора!»

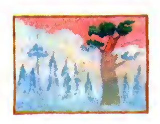
Для Мея всё в природе живо, наполнено глубоким смыслом, поучительно. Даже самые обыкновенные одуванчики могут неожиданно привести к мысли: как хороша молодость и как грустна старость!

Слово *ореол* в этих стихах значит сияющий венец.

ОДУВАНЧИКИ

Посвящается всем барышням

Расточительно-щедра,
Сыплет вас, за грудой груду,
Наземь вешняя пора,
Сыплет вас она повсюду:
Где хоть горсточка земли —
Вы уж, верно, расцвели.
Ваши листья так росисты,
И цветки так золотисты!
Надломи вас, хоть легко, —
Так и брызнет молоко...
Вы всегда в рою весёлом
Перелётных мотыльков,
Вы в расцвет — под ореолом
Серебристых лепестков.
Хороши вы в день венчальный;
Но... подует ветерок,
И останется печальный,
Обнажённый стебелёк...
Он цветка, конечно, спóрей:
Можно выделать *цикорий!*

В подробном, поэтичном описании судьбы дерева мы угадываем сложный характер человека. Попробуйте определить для себя, что это за характер.

СОСНА

Во сыром бору сосна стоит, растёт;
Во чистом поле метель гудит, поёт;
Над землёю тучи серые шатром;
На земле снега пушистые ковром;
Вьюга, холод, но печальная сосна
Неизменна, как весною зелена.
Возвратится ли весёлая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснеют, улыбнутся небеса,
В листья нежные оденутся леса,
Заблестит сквозь зелень ландыш серебром,
Засинеет незабудка над ручьём,
Взглянет солнце с неба чистого светлей,
И зальётся звонкой трелью соловей —
Всё по-прежнему печальна, зелена,
Думу думает тяжёлую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Всё цветёт, а ей одной лишь не цвести!
Собирая иглы острые свои,
Хочет в землю глубоко она уйти,
Иль, сорвавшися с извивистых корней,
В небо взвихриться метелью из ветвей.
Да крепка земля, далёки небеса —
И стоит она, угрюмая краса.
И весною, и зимою зелена,
И зимою и весною холодна...

Это произведение Мей посвятил своей приятельнице, в имении которой он гостил два лета. Стихотворение написано в виде послания, в свободной, непринуждённой манере. Тут нам открывается ещё одна сторона дарования Мея — мастерство рассказчика.

ДЕРЕВНЯ
(Отрывок)

Мы с вами на обрыве за рекой...
Уже темно. Огни зажглись в избушках,
Заря погасла на лесных верхушках.

Под нами сетка из цветов и трав,
Весною опрокинутый стаканчик,
Льёт запах ландыш, под кустом припав,
И мотыльком порхает одуванчик;
И, к холке ухо левое прижав,
Мотает мордой ваш гнедой Буянчик,
Упрямится — нельзя ль щипнуть травы,
Но не дают: его упрямей вы...

Хоть несколько боитесь, если ухо
Прижмёт он к холке... А домой пора,
Пока росы нет на́ поле и сухо...
Вот лай собак с господского двора
И стук колёс донёсся нам до слуха:
К вам гости — и, наверно, до утра!
В галоп, Буянчик! право, опоздаем:
Чу! десять бьёт — всё общество за чаем...

Мей с отрадой вспоминает своё детство — прелесть его он оценил только теперь, встав взрослым. И только теперь поэт по-настоящему понял, как прекрасна немудрящая песенка зяблика, которую он слышал в детстве. Ведь она прославляет природу, весну и вечное обновление жизни.

ЗЯБЛИКУ

Мне гроза дана в наследство:
Гром и молнию стеречь
Научило рано детство,
И понятна мне их речь.

Только молния-первинка
В сердце врежется стрелой —
Оживал я, как былинка,
Освежённая грозой.

Только в серой тучке грянет
Громозвучная краса,
За собою так и манит
Душу прямо в небеса!

А пройдёт гроза, бывало,
В нашем садике цветы
Все поднимут покрывало:
Запоёшь тогда и ты.

И тогда, смеясь над няней,
Убегал я в мокрый сад,
Под малинник, где зараней
Мне готов был водопад.

И бумажный я кораблик
В лужу мутную спускал.
Но тогда, мой милый зяблик,
Я тебя не понимал.

Не слыхал твоей я песни,
Хоть звучала мне она:
«Божье де́ревцо, воскресни,
Где гроза, там и весна!»

Весна пробуждает у поэта неясные желания, манит в неведомую даль. И опять ему на ум приходит образ вольной птицы — он мечтает о крыльях... Словом *во́дополь* Мей коротко определил весеннее половодье.

СУМЕРКИ

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет, и веет —
Пахнет весною сквозь стёкла.
С каждою новой ложбинкой
Во́дополь всё прибывает,
И огранённою льдинкой
Вешняя звёздочка тает.
Тени в углах шевельнулись,
Тёмные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...
Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грёзы...
Дума в неведомом тонет...
На́ сердце — крупные слёзы.
Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли *«бессилья»*.
Не было б слова — *«неволя»*.

У этого стихотворения есть подзаголовок «Из альбома». В прошлом веке было модно заводить домашние альбомы. Особенно тщательно хранились они в семьях, которые устраивали литературные вечера, — поэты вписывали туда посвящения и шутки. Часто такие стихи сочинялись мгновенно, к случаю, и назывались экспромтами.

ОБЛАКА

(Из альбома)

Светло, цветно, легко, нарядно,
Дивяся собственной красе,
Любовно-близко и отрадно
По небу вы плывёте все.
Взглянуть на вас — тоска и мука:
Вы рядом, жизнь вам весела...
Но вот, не менее светла,
Разоблачила вас наука
И вашу долю поняла:
Одни — вы плаваете низко,
Другие — ох как высоко,
И то, что кажется так близко,
Быть может, очень далеко...

Это последнее стихотворение Мея. Оно не окончено, но и в таком виде совершенно.

Склонить долу взоры значит «посмотреть вниз».

МОРОЗ

Голубушка моя, склони ты долу взоры,
Взгляни ты на окно: какие там узоры
На стёклах расписал наш дедушка-мороз
Из лилий, ландышей и белоснежных роз.
Взгляни, как расписал он тайно иль не тайно,
Случайно говоря, а может, не случайно,
Хотя бы, например, вот это бы стекло?
Взгляни ж: перед тобой знакомое село,
Стоит себе оно, пожалуй, на пригорке...
. . . .

Это стихотворение воспроизводит картину под названием «Тройка», которую Мей увидел в частной картинной галерее. Но произведение Мея дорого нам само по себе, независимо от живописи. Оно своими собственными средствами передаёт лихую скачку лошадей, удаль ямщика, свежесть морозного воздуха.

Вам встретится выражение *на переём*. Здесь оно значит «наперерез».

ТРОЙКА

Посвящается
Николаю Егоровичу Сверчкову

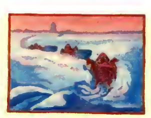
Вся в инее морозном и в снегу,
На спуске по́д гору, в разгоне на бегу,
Постромки опустив и перегнув дугу,
Остановилась бешеная тройка
Под заскорузлыми вожжами ямщика...
Что у коней за стати!.. Что за стойка...
Ну!.. знать, у ямщика бывалая рука,
Что клубом удила́ осеребрила пена...
И в сторону, крестясь, свернул свой возик сена
Оторопевший весь со страху мужичок,
И с лаем кинулся на переём Волчок.

Художник! удержи ты тройку на мгновенье:
Позволь ещё продлить восторг и наслажденье,
За тридевять земель покинуть грусть-печаль
И унестись с тобой в желанную мне даль...

ПОДРАЖАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Это отрывок из «Песни про боярина Евпатия Коловрата». Мей сочинил его в подражание народным сказаниям. Евпатий Коловрат — легендарный герой, который упоминается в русских летописях.

Обратите внимание, как стихотворный размер передаёт в этом отрывке дружный бег лошадей, быструю езду.

Вам встретится несколько старинных слов. Чтобы найти их значение, заглянем в «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный в прошлом веке Владимиром Ивановичем Далем.

Трое сани — трое саней.

Охабень значит «верхняя долгая одежда, с прорехами под рукавами и с четвероугольным откидным воротом».

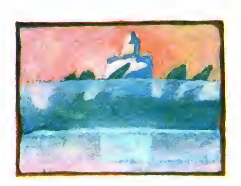
Горлатные шапочки — меховые, сделанные из горловой части шкурки зверя.

Окатные жемчуга — крупные и круглые.

К городу Рязани
Катят трое сани,
Сани развальные —
Дуги расписные;
Вожжи на отлёте;
Кони на разлёте;
Колокольчик плачет —
За версту маячит.
Первые-то сани —
Все-то поезжане,
Все-то северяне,
В рукавицах новых,
В охабнях бобровых.
А вторые санки —
Все-то поежанки,
Все-то северянки,
В шапочках горлатных,
В жемчугах окатных.
А что третьи сани

К городу Рязани
Подкатили сами
Всеми полозами.
Подлетели птицей
С красной царь-девицей,
С греческой царевной —
Душой Евпраксевной.

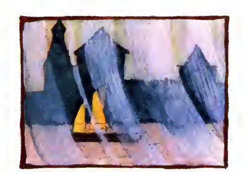

Это второй отрывок из «Песни про боярина Евпатия Коловрата». Его широкий, свободный размер напоминает былинный стих. О природе Мей говорит так же любовно и образно, как это делали безымянные народные сказители.

Кума́ника — название ягоды морошки.
Перло́вый бисер — жемчужный.
Подоре́шник — гриб.
Повалежные листья — старые, слежавшиеся.

Загорелося утро по-летнему,
Загорелось сначала на куполе,
А потом перешло на верхушки древесные,
А потом поползло по земле, словно крадучись,
Где жемчужинки, где и алмазинки
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловым обсыпалась бисером;
Подорешник всей белою шапкой своей нахлобучился
И поднял повалежные листья, натужившись...

Многие поэты девятнадцатого века посвящали свои произведения легендарному событию русской истории — присоединению к Московскому княжеству Новгорода и его земель. Новгород славился вольницей, самостоятельностью. Его знаменитый колокол созывал народ на сходку, то есть на вече — для решения важнейших вопросов.

Мы предлагаем вам отрывок из стихотворения Мея «Вечевой колокол». Но сначала объясним некоторые выражения и понятия, которые встретятся вам.

Вадимова площадь — площадь против дворца, где на вечевой башне висел колокол.

Поса́дник — старшина города, выборный воевода.

Чудь — название в летописях угро-финских племён, живших по рекам Онега и Северная Двина.

Рыцари — рыцари Тевтонского или Ливонского ордена.

Югория — территория, населённая кочевниками (югрой), с которыми новгородцы торговали.

Ганзе́йские от слова ***Га́нза*** — торговый и политический союз северогерманских городов в XIV—XV веках.

Великий князь Московский — Иван III (1440—1504), присоединивший Новгородские земли к Москве.

Три́зна — здесь: поминальная песня.

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поёт колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников

Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поёт колокол...
Поёт тризну свободе печальную,
Поёт песню с отчизной прощальную...

«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далёкой мне,
Про моё ли горе горькое,
Про мою ли участь слёзную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.
. . . .

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поёт колокол;
Волхов плещет, и бьётся, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слёзками светятся.

Герой этого произведения — Леший. Он не раз встречался вам в народных сказках. У Мея Леший не просто косматое чудовище или добрый забавник. Он воплощает в себе дикую лесную красоту, которой поэт дорожит и любуется.

Змея-чугунка в этом стихотворении значит «поезд на железной дороге».

Доезжа́чий — главный псарь, обучающий гончих собак.

Ве́ршник — верховой всадник.

ЛЕШИЙ

Николаю Ивановичу Липину

Двойным зелёным строем,
Вдоль узкого просёлка,
Под снежной шапкой дремлет
И сосенка и ёлка;

Осина коченеет
И дрогнет от мороза,
И вся в слезах алмазных
Плакучая берёза;

Их предки — в три обхвата,
Поодаль от опушки,
Взнесли над молодёжью
Маститые макушки;

Вдали дубняк; да Леший —
Всех выше головою:
Рога торчат сквозь космы;
Копыта под землёю...

То всех деревьев выше,
То ниже мелкой травки,
Что топчут чуткой ножкой
Букашки и козявки;

Владыка полновластный
Зелёного народа,
Он всей лесной державе
Судья и воевода.

Зимою он сугробы
В овраги заметает,
И тропки он лисицам
И зайцам прочищает;

И снегом он обносит
Берлогу медвежонка,
И вьёт мохнатой лапой
Гнездо для воронёнка;

И волку-сыромахе
Он кажет путь-дорогу,
И, на смех доезжачим
И звучному их рогу,

И стае гончих, зверя
В трущобе укрывает...
А к осени деревья
Он холит-сберегает:

Под корень их валежник
И палый лист, вязанкой,
Кряхтя, валит с плеча он
Над белою белянкой,

Над рыжиком и груздем,
Над тонкою опёнкой:
Укроет; проберётся
К грибовницам сторонкой

И филином прогукнет,
И в чаще, за кустами,
Засветит, что волчиха,
Зелёными глазами.

В орешнике змеёю
Шипит он для потехи,
Чтоб девушки у белок
Не сняли все орехи.

Дед долго и любовно
По лесу ходит-ходит,
Порой с былинки малой
По часу глаз не сводит.

И всё он насторо́же —
С зари до полуночи,
Пока уж напоследок
Не выбьется из мочи...

Устанет, притомится,
И спать придёт охота —
Уйдёт в дубовый остров,
В любимое болото...

Сюда уж не добраться
Ни вершникам, ни пешим...
И спит он... Да летает
Недобрый сон над Лешим...

И снится деду, будто
По всей его дуброве
Чудное что творится.
И всё как будто внове...

Что мчится издалёка
Неведомая сила
И старую трущобу
Всю лоском положила:

Подсечен, срублен, свален
И сгублен топорами,
Кругом весь остров стонет
Дрожащими ветвями;

Что просека с полвёрсту
Идёт поверх болота,
И вдалеке сверкает
Зловещим оком что-то,

И мчится, мчится, мчится,
И ближе подлетает;
Пар из ноздрей и искры;
След полымя сметает,

Шипит, шипит и свищет,
И, словно змей крылатый,
Грозит чугунной грудью
Груди его косматой...

Проснулся, глянул — видит:
Не остров, а площадка;
Дубов — как не бывало:
Всё срублено, всё гладко...

Засыпано болото
Песком, дресвой и щебнем,
И мост над ним поднялся
Гранитным серым гребнем,

И, рассыпая искры,
Далёко в поле чистом
Летит змея-чугунка
С шипением и свистом.

Мей переводил и на свой лад перерабатывал народные славянские песни. Это стихотворение он напечатал под заголовком «Русняцкая песня». Русняками одно время называли украинцев. «Песню» положили на музыку композиторы Мусоргский и Кюи.

«Что это не слышно Наны голосочка?
Затяни нам песню, маленькая дочка!»

«Во саду-садочке
Выросла малинка;
Солнце её греет,
Дождичек лелеет.
В светлом теремочке
Выросла Нанинка:
Тётя её любит,
Маменька голубит».

У малютки Наны песенки-малютки:
Малы да пригожи, словно незабудки.

Это начало баллады Мея «Вихорь».

Баллада — стихотворное произведение, в котором рассказывается о необычайных, чудесных событиях, таинственных или героических.

При дороге нива...
Доня-смугloличка
День-деньской трудится —
Неустанно жнёт:
Видно, не ленива,
А — что божья птичка —
На заре ложится,
На заре встаёт.

Против нашей Дони
Поискать красотки:
Разве что далёко,
А в соседстве нет...
Косы по ладони;
Грудь как у лебёдки;
Очи с поволокой;
Щёки — маков цвет.

Солнце так и жарит,
Колет, как иглою;
Стелется на поле
Дым, не то туман;
С самой зорьки парит —
Знать, перед грозою;

Скинешь поневоле
Душный сарафан.

Разгорелась жница;
Жнёт да жнёт да вяжет,
Вяжет без подмоги
Полные снопы...
А вдали зарница
Красный полог кажет...
Ходят вдоль дороги
Пыльные столпы...

Балладу «Русалка», как и «Леший», Мей включил в раздел стихов, которые родились под впечатлением от народных фантазий.

Русалка издавна полюбилась русским поэтам. Стихи о ней есть, например, у Пушкина и Лермонтова.

В отрывке из меевской баллады вам встретится слово *половеют*. Это значит «желтеют».

РУСАЛКА

Софье Григорьевне Мей

Мечется и плачет, как дитя больное
В неспокойной люльке, озеро лесное.

Тучей потемнело, брызжет мелкой зернью —
Так и отливает серебром да чернью...

Ветер по дуброве серым волком рыщет;
Молния на землю жгучим ливнем прыщет;

И на голос бури, побросавши прялки,
Вынырнули со̀ дна резвые русалки...

Любо им за вихрем перелётным гнаться,
Любо звонким смехом с громом окликаться!..

Волны им щекочут плечи наливные,
Чешут белым гребнем косы рассыпные;
Ласточки быстрее, легче пены зыбкой,
Руки их мелькают белобокой рыбкой;

Огоньком под пеплом щёки пловеют;
Ярким изумрудом очи зеленеют.

Плещутся русалки, мчатся вперегонку,
Да одна отстала — отплыла в сторонку...

К берегу доплыла, на берег выходит,
Бледными руками ивняки разводит;

Притаилась в листве на прибрежье чёрном,
Словно белый лебедь в тростнике озёрном...

Вот уж понемногу непогодь стихает;
Ветер с листьев воду веником сметает;

Тучки разлетелись, словно птицы в гнёзды;
Бисером перловым высыпали звёзды;

Месяц двоерогий с неба голубого
Засветил отломком перстня золотого...

Ещё одна баллада Мея называется «Хозяин». О ней с похвалой отзывались многие современники поэта. Мы приводим часть стихотворения — описание светёлки, в которой по ночам хозяйничает домовой.

Светёлка — это небольшая комната, обычно в верхней части жилья.

В низенькой светёлке, с створчатым окном
Светится лампадка в сумраке ночном:
Слабый огонёчек то совсем замрёт,
То дрожащим светом стены обольёт.
Новая светёлка чисто прибрана:
В темноте белеет занавес окна;
Пол отструган гладко; ровен потолок;
Печка развальна́я стала в уголок.
По стенам — укладки с дедовским добром,
Узкая скамейка, крытая ковром,
Крашеные пяльцы с стулом раздвижным
И кровать резная с пологом цветным.

Это стихотворение открывало раздел песен, былин и сказаний в томе сочинений, который был составлен самим поэтом. Открывало не случайно, ведь *запевка* — это вступительная часть, запев в народных песнях.

Русские песни часто бывали грустными, изливали горести простого человека, жаловались на невзгоды крестьянского житья. Поэтому «Запевка», в которой Мей подражает складу народной поэзии, раздольная, но и печальная. На её слова написали музыку композиторы Балакирев и Глазунов.

Слово *победная* в этом стихотворении нужно понимать не в современном смысле, а в старинном: бедная, горемычная, горькая.

Повитая — от слова *повить*, то есть свивать, пеленать, как младенца.

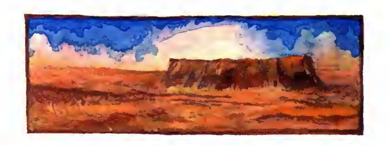
ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещёная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

КАРТИНЫ ДРЕВНЕГО МИРА

Один из современников Мея — критик и поэт Аполлон Григорьев писал о нём: «...Редко можно встретить в поэте такое богатство фантазии, такую силу, красоту выражения, такое полное владение словом и образами». Этой высокой оценки заслуживают те произведения Мея, которые воскрешают эпизоды истории и преданий Древнего Востока.

Вот, например, описание пустыни. Кажется, поэт обожжён её горячим дыханием.

Пустыня... знойные пески...
На север — голых скал уступы;
На юг — излучины реки
И пальм развесистые купы;
На запад — моря полоса,
А на восток, за далью синей,
Слились с пустыней небеса
Другой безбрежною пустыней...
Истомен воздух воспаленный;
Земля безтенна; тишина
Пески сыпучие объемлет:
Природа будто бы больна
И в забытье тяжёлом дремлет,
И каждый образ, и предмет,
И каждый звук — какой-то бред.
Порой, далёко, точкой чёрной,
Газель, иль страус, иль верблюд
Мелькнёт на миг — и пропадут;
Порой волна реки нагорной
Простонет в чаще тростника,
Иль долетит издалека
Рыкание голодной львицы,
Иль резкий клёкот хищной птицы

Пронижет воздух с вышины —
И снова всё мертво и глухо...
Слабеет взор, тупеет ухо
От беспредметной тишины...

Остаётся позади безводная пустыня — перед нами благодатная долина Нила. Переливаются, играют на солнце густые, сочные краски земли и воды. Загадочное молчание хранит строгая архитектура Древнего Египта. Эти величественные картины мы ясно видим благодаря причудливым сравнениям и отточенному, колоритному языку Мея.

Мерид — озеро в Египте.

Серой, гремучей змеёю,
Бесконечные кольца влача через ил,
В тростниках густолиственных тянется Нил.
Города многочленной семьёю
Улеглися на злачных его берегах;
Блещут синие воды Мерида;
Пирамида, ещё пирамида,
И ещё, и ещё, — на широких стопах
Опершись, поднялися высоко;
Обелисков идёт непрерывная цепь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, в степь
Устремляя гранитное око.

Из Африки мы легко переносимся в Азию, на берега индийских рек — Инда и Ганга. Сколько зверей, птиц, растений древней восточной страны оживает перед нашим взором!

Талант и фантазия истинного поэта не знают границ времени и пространства.

В отрывке встречается слово *па́года*. Это сооружение в виде башни или обелиска. *Чета* значит «пара».

Инд и Ганге́с среброводной четой
Ка́тят волны в далёкое море;
Вековые леса на просторе
Разрослися везде непроглядной стеной;
Мелкой сетью заткали лианы
Все просветы с верхушек дерев до корней;
Попугаи порхают; с тяжёлых ветвей
С визгом прыгают вниз обезьяны;
Полосатую матку тигрёнок сосёт;
Птичек носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слон тяжёлою поступью мерно бредёт;
На коврах из цветов и из ягод
Змеи нежатся, свившись упругим кольцом,
И сквозь тёмную зелень, зубчатым венцом,
Выдвигаются куполы па́год.

СОДЕРЖАНИЕ

Составление и пояснительный текст
Н. П. СУХОВОЙ

Рисунки Ю. ТИХОНОВА

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Лев Александрович Мей

ТРОЙКА

Стихотворения

ИБ № 4131

Ответственный редактор *Н. П. Посвянская.*

Художественный редактор *Е. М. Ларская.*

Технические редакторы *Н. И. Лукова* и *Н. Ю. Крапоткина.*

Корректор *Г. Ю. Жильцова.*

Сдано в набор 15.03.80. Подписано к печати 19.09.80. Формат 60×84/16. Бум. офсетн. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 500 000 экз. Заказ № 426. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46

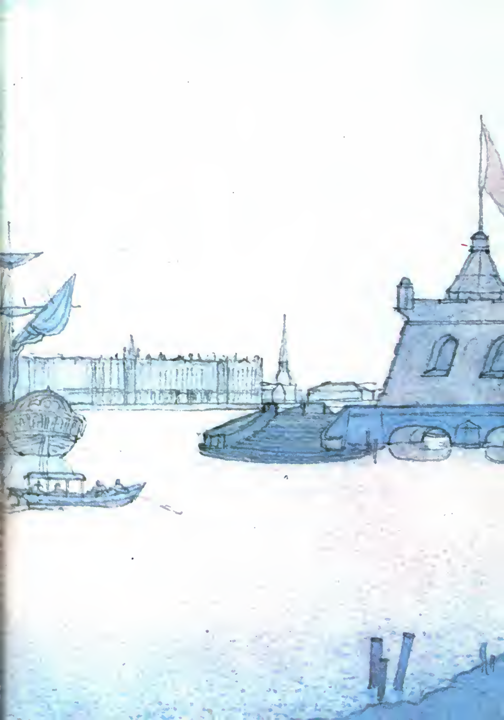
Мей Л. А.

М45 Тройка: Стихотворения / Сост. и пояснит. текст Н. П. Суховой; Рис Ю. Тихонова — М.: Дет. лит., 1980. — 47 с. , ил. (Книга за книгой).

15 к.

Сборник стихотворений русского поэта-классика Льва Александровича Мея. Книга состоит из трёх разделов: «Отчий край», «Подражания народной поэзии» и «Картины древнего мира». Каждое стихотворение предваряется кратким объяснением литературоведа.

М $\frac{70802-505}{М101(03)80}$ 213—80 Р1

15 к.
Издательство „Детская литература"